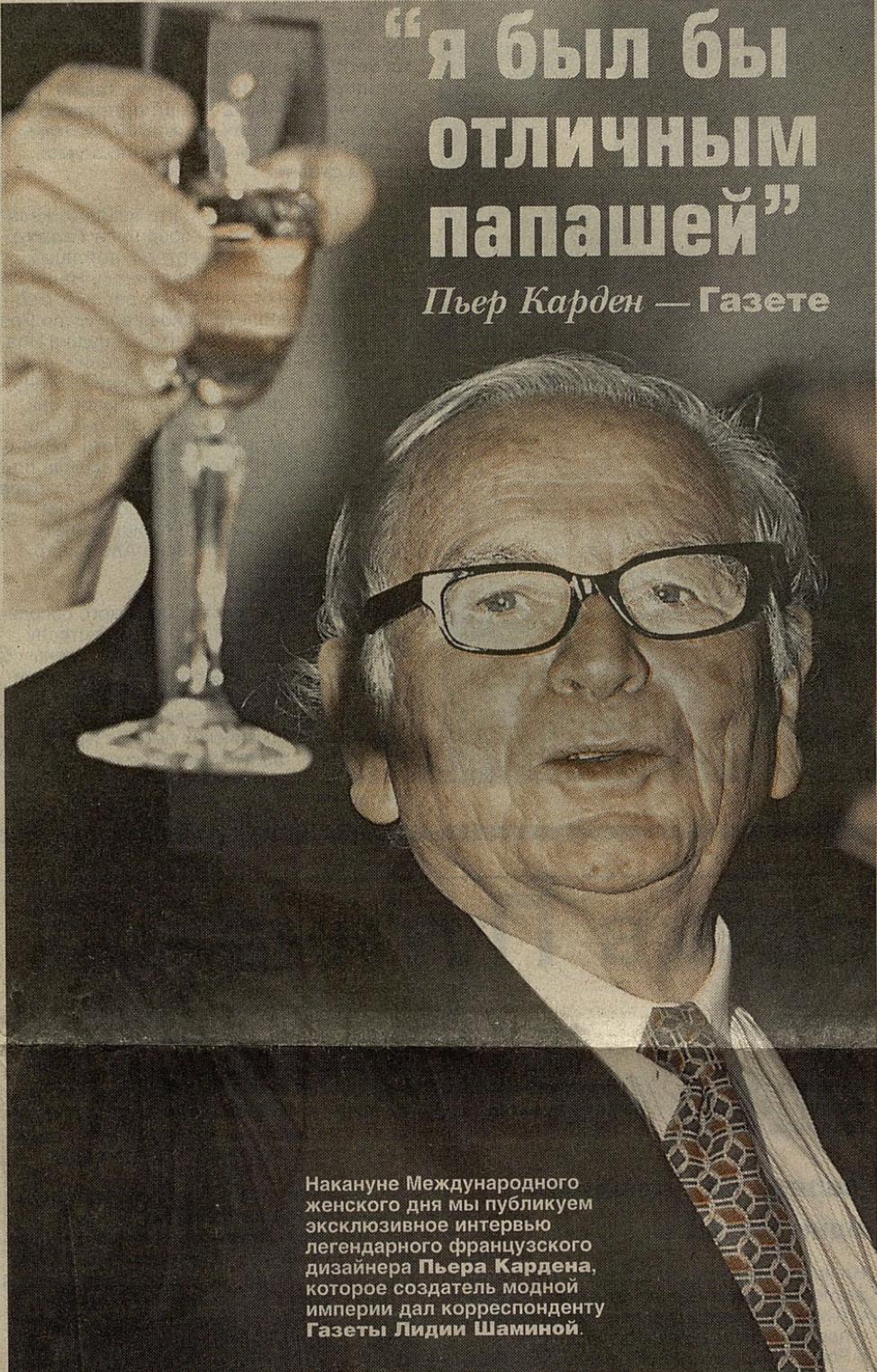

“Я был бы отличным папашей”

Пьер Карден — Газете

Накануне Международного женского дня мы публикуем эксклюзивное интервью легендарного французского дизайнера Пьера Кардена, которое создатель модной империи дал корреспонденту Газеты Лидии Шаминой.

Пьер Карден: «За свою жизнь я понял одно: мы все время бежим за счастьем и никогда не можем его поймать» Фото: Reuters

Всю жизнь вы имели дело с самыми элегантными женщинами. Можете сформулировать, что такое парижский шарм?

Прежде элегантные женщины ходили по улицам, с удовольствием демонстрируя себя и наряды, а теперь все сидят в своих гостиных. В лучшем случае одарят вас взглядом из окна автомобиля — вот и весь шик. Да и жизнь поменялась. Сегодня парижский шарм — уже не национальное достояние Франции. Иностранцы манекенщицы — главным образом русские, польки (я говорю о них как о самых талантливых) — развеяли его по миру. Добавьте к этому глянцево-журналы, кинематограф, телевидение, Недели моды, которые четыре раза в год становятся главной новостью для всей планеты, — весь этот ажиотаж вокруг моды, дизайнеров и моделей привел к тому, что парижский шик и шарм перестали быть чисто французской штучкой.

Что царило в моде, когда вы начинали карьеру?

Вы не поверите — все тот же черный цвет, что и сегодня. Это было первое, что я видел, когда в семь утра приходил на работу в ателье к Кристиану Диору. Нас было семеро, и нам, молодым, этот «мягкий диктатор» дал отличную школу. Кстати, когда я уходил, служащих было уже девятьсот человек. Так вот, эпоха Диора была черной. Это потом пришел Курреж с его белым цветом. Что касается моды, сегодня она выражается не в цвете, а в разнообразии форм. Этих примет моды десятки: широкие плечи, высокая талия, узкая юбка, подчеркнута короткая, воланы, косой крой — да вы и сами можете продолжить список. Нет никакого диктата. Мода — это сплошная эклектика.

Окончание
на странице 06

“я был бы отличным папашей”

Пьер Карден — Газете

Окончание. Начало на странице 01

Кому все же принадлежит мини-юбка — вам, Андре Куррежу или англичанке Мэри Квант?

Всеми одинаково — ведь модные идеи носят в воздухе, и все питаются идеями друг друга. Моя заслуга лишь в том, что я придумал, чтобы колготки совпадали по цвету с юбкой или были разрисованы — орнаментом, полосками. Эту идею можно назвать действительно революционной. Так в свое время прозвучал знаменитый слухот от Dior.

Вам за восемьдесят. Что помогает вам оставаться в такой великолепной форме?

Я всегда был провокатором в моде — это будоражит ум и эмоции. Но использовал только собственные идеи и воображение, никого не копировал. И сегодня я тоже смотрю далеко вперед — оттуда хороший обзор. Хотя сразу меня мало кто понимает. В 1959 году я ввел понятие prêt-à-porter — ведь до этого абсолютно всю одежду шили портные в частных ателье. А меня за это исключили из синдиката высокой моды. Потом, когда это понятие завоевало мир, меня взяли обратно. В 1971 году главной для меня стала идея скорости, и я представил моду так, что мы все должны стремительно перемещаться по тротуарам — и только сейчас, с изобретением этих маленьких самокатов, это наконец случилось. Тогда же, тридцать лет назад, я мечтал о юбке из металла — и, по большому счету, ее черед пока еще так и не наступил. Все, что я предлагал, всегда и всем казалось слишком современным, и дамы боялись применять на деле мои идеи — это было слишком рискованно.

Вы начинали со многими легендарными личностями — Пакзи, Скульпарелли. Что вы можете вспомнить о Кокто, например? Я познакомился с ним, когда приехал в Париж после войны, в 1945 году. Буквально на следующий день я попал в Дом моды к мадам Пакзи. Тогда, во время правительства Виши, мода чувствовала себя не слишком комфортно: никто еще не знал, чем дело закончится. И у Раquin занимались относительно нейтральным делом — придумывали костюмы к спектаклю Кокто «Красавица и чудовище». Он сам придумывал все детали, а я был у него манекенщиком. И потом, когда молодой Жан Марэ, ему было чуть более двадцати, снимался в фильме по этой пьесе и не имел времени на примерки, я тоже был у него моделью. И все мы находились под влиянием Кокто — этого никто не мог избежать. Главное, что я могу сказать о нем, — он был очень простым человеком. Он выходил вечером в ресторан, и вся округа приветствовала его — кажется, он был знаком с каждым. Сегодня я все чаще думаю, как проста

была жизнь: никто ни от кого не прятался, не надувал щек, все было открыто. В нынешнем понимании Кокто был суперзвездой, но смотрите: когда сегодня какая-нибудь звездочка выходит в свет, это целое событие для папарацци. Все обсуждают: «Ах, какая Изабель Аджани страшная в жизни. Э, да у нее прыщи...» — и тому подобное. А для нас тогда не было никакого подвига просто выйти на улицу, со всем, что у нас есть за душой. И Кокто был самым простым среди всех.

У вас сотни премий, медалей, орденов. Какая награда для вас самая дорогая? Звание «бессмертного» — я имею в виду членство во Французской академии. В 1992 году я стал первым и единственным модельером, получившим это звание, и очень горжусь этим. В Англии я бы сразу стал герцогом или пэром.

Пьера Кардена считают отцом мини-юбки. Силу дизайнера величайшим отдают пальму первенства в моде шестидесятых Андре Куррежу и Мэри Квант

Через ваши руки модельера прошли сотни звезд. Кого вы можете назвать самым стильным человеком? Трудный вопрос, потому что каждый обладал неповторимым обаянием. Мои любимые «модели» — Софи Лорен, Плисецкая, Грегори Пек, парочка королей и президентов — за пятьдесят с лишним лет бесконечного дефиле их было так много. Пожалуй, самой стильной можно назвать Шарлотт Ремплинг — она больше других соответствовала моему представлению об идеальной женщине. Очень женственная. Из мужчин это, наверное, Грегори Пек — ему очень точно удавалось сочетать мужественность и элегантность.

Какая ваша главная радость сегодня?

За свою жизнь я понял одно: мы все время бежим за счастьем и никогда не можем его поймать. Это слишком сложно и часто приносит только разочарование. А работа — это всегда конкретные задачи, решение которых приносит радость. Вот и получается, что это и есть счастье.

С чего начинается ваш день? Правда, что у вас не бывает выходных?

Я встаю в семь тридцать утра. Рисую, слушаю музыку, иду в офис, там тоже рисую и решаю всякие проблемы. Сейчас меня больше других вещей занимает новый проект «Тристан и Изольда» — спектакль, соединивший оперу, балет и мюзикл. Я являюсь продюсером этой постановки. Сам проводил кастинг артистов, сам работаю с прессой, с танцовщицами, с певцами, даже с осветителями. Мы уже несколько раз по-

казали спектакль в Европе. Мне нравится, что это небольшая труппа, всего двадцать синтетических артистов, которые и поют, и танцуют. Оформление — абстрактная живопись, неожиданные сценические эффекты, специально написанная музыка, очень красивая. В сентябре хочу показать «Тристана и Изольду» в России — мы уже ищем здание, где спектакль можно было бы достойно представить.

Вы же сами строитель — на вашем счету несколько проектов театров. Можете, и в Москве откроете Театр Пьера Кардена? Нет уж, хватит, дайте мне отдохнуть. И потом, у меня полно других занятий. Напри-

мер, слушать музыку в своей вилле на Лазурном берегу. Там все очень гармонично — море, небо, комнаты в виде овалов. Я вообще обожаю все округлое, женственное — на мой взгляд, это действует на мозг креативно.

Вы по-настоящему богатый человек. Что значит для вас деньги?

Возможность окружить себя тем, что тебе по душе. Вот мы с вами сидим в кабинете на старинной улице Фобур Сент-Оноре. Мне она очень нравится — в двух шагах от нас королевский дворец и много других замечательных исторических зданий. Здесь тихо и как-то провинциально, хотя рядом — Елисейские поля. И несколько лет назад я решил купить несколько домов вокруг, чтобы создать свой мир. Так возникло понятие Espace Cardin/Космос Кардена. Это и рестораны, в которых вы чувствуете себя как дома, и театры, в которых зрителю предлагают первоклассные и необычные произведения, и отели, не похожие на привычные гостиницы. Но, если говорить собственно о деньгах, зарабатывать их надо только для того, чтобы потом они работали на вас. Я много зарабатывал сорок, если быть точным, сорок четыре года назад, когда первым и единственным из модельеров предложил парижскому универсаму Printemps продавать свои модели и ввел в моду понятие «готовая одежда». Тогда я работал ради денег — теперь они работают на меня.

В одном из интервью вы признались, что сейчас постыдились бы брать за костюм миллион франков — обычную для марки Pierre Cardin цену в шестидесятые.

Но даже тогда я никогда не думал о деньгах. Только о том, что они мне дадут. А сегодня я часто думаю о том, что же еще мне делать, если не работать. Ну, схожу в ресторан, в театр. Ну, поеду в деревню, путешествовать, в горы. И что дальше? Нет, я не могу остановиться, даже в воскресенье работаю. Кому-то покажется, что у меня тяжелая жизнь. Но я сам ее создал. Я независимый человек и горжусь этим. Я первым придумал систему продажи лицензий: у меня восемьсот лицензий по всему миру, и этот рекорд никому еще не удалось побить.

В свое время мир был удивлен вашим завоеванием Китая. Помните, как вы туда приехали?

Китай для меня начался двадцать семь лет назад. Я подумал тогда: «Какая замечательная, богатая страна! Но почему мне никто не открывает двери так же широко, как в России?» Надо сказать, что меня всегда привлекал социалистический режим — идея равенства казалась мне очень справедливой. И я хотел убедиться в этом собственными глазами. Какое меня ждало разочарование! У меня отобрали паспорт, и я оказался буквально в тюрьме! Грязь, отсутствие нормальных условий, не было даже питьевой воды. Горстка риса — это было все, что я мог съесть, чтобы не отравиться. Но мне все равно хотелось до конца понять эту странную, но красивую идею. И потом я объехал все социалистические страны, все хотел убедиться, что хоть где-нибудь она работает, — тщетно. Знаете, почти в каждой семье есть брат богатый и брат бедный — объяснить, почему так, я не могу. У меня в кабинете стоит глобус — я все время кручу его, и на нем почти не осталось стран, где бы я не был.

Но нет ни одной, даже очень бедной, страны, где бы не знали марку Pierre Cardin. Как вам удалось так широко вернуться в нищем тогда Китае?

Именно там мне пришла в голову идея лицензирования. Я начал с пуговиц. Я подумал так: если в стране миллиард человек и каждый хочет красиво одеться, то это как минимум тридцать миллиардов пуговиц — ведь каждому нужны пальто, костюм, рубашка. Неплохое начало? Я сам был первым клиентом. Сейчас там работает уже тридцать моих заводов.

Вы построили империю, обрели звание «бессмертного», ваше имя известно во всех странах мира — есть что-то, о чем вы сожалеете?

О том, что актриса Жанна Моро, с которой у нас был такой красивый роман, не могла иметь детей. Я знаю, что был бы отличным папашей — моему сыну сейчас могло бы быть сорок лет. Но я не хочу сказать, что несчастлив — у меня есть племянницы, а вообще-то семью мне заменяет работа. Спросите моих служащих — я в курсе всех их семейных и домашних дел. И потом — у меня есть приемные дети. Двадцать два года назад я узнал из газет, что у одной английской пары родились сразу пятеро близнецов. И я начал опекал этих малышей. Их мать была учительницей, отец — разнорабочим, и, разумеется, они мало что могли дать своим детям. А я повез этих детей по всему миру, показал им Америку, Диснейленд, Японию, Китай, дал им образование и до сих пор слежу за ними, стараюсь передать им свой жизненный опыт.

В печати то и дело появляются сообщения, что Пьер Карден продает свою империю. Это правда? Вы уже решили, кому она достанется?

Слушайте, я старый человек. И должен думать о том, что мое и дело, которому я отдал всю жизнь, и мои сотрудники, многие из которых работают у меня десятки лет, заслуживают уважения. Всю жизнь я трудился, чтобы одевать людей и делать их жизнь красивой и стильной, мне доверяют во всем мире. Поэтому человек, которому я решусь доверить свою марку, должен обладать художественным вкусом, знаниями, энергией и умением смотреть в будущее.

Не проще ли было воспитать такого среди своих сотрудников?

Я не хочу, чтобы они повторяли моего — пусть каждый идет своим путем. Поэтому мой Дом организован особенно — у нас нет пышных гостиниц, картин, и я не выбрасываю миллионы евро на дефиле, как Гальяно. Деньги зарабатываются слишком тяжело, чтобы тратить их на китайский цирк, — вы видели его на последней Неделе моды? Кстати, это были акробаты из моего цирка, я просто одолжил их Гальяно — для меня это нормально. Как вы заметили, у нас в офисе очень демократичная, рабочая обстановка, как в какой-нибудь скромной конторе. И любой сотрудник может в любой момент задать мне любой вопрос — я очень доступен.

Пьер Карден: «Все, что я предлагал, всегда и всем казалось чересчур современным, и дамы боялись применять на деле мои идеи — это было слишком рискованно»

Лучшим творческим приемом в моде легендарный дизайнер считает провокацию — она будоражит ум и чувства